

Ли́ра Бе́лаква

Автор:

Филип Пулман

Ли́ра Бе́лаква

Филип Пулман

Золотой компас (АСТ)Тёмные начала

«Однажды на Севере» – рассказ о встрече воздухоплователя Ли Скорсби и медведя Йорека Бирнисона, будущего короля бронированных медведей. Встреча эта состоялась за двадцать лет до рождения Леры.

«Оксфорд Леры» – история, которая произошла с Лирой и ее деймоном Пантелеймоном, когда она училась в Иордан-колледже – спустя два года после событий, описанных в «Янтарном телескопе», последнем томе трилогии.

История, рассказанная в трилогии «Темные начала», закончена, но автор подарил читателям возможность вернуться в созданный им удивительный мир, полный чудес и приключений, и снова встретиться с любимыми героями – на крышах Оксфорда, в лаборатории загадочного алхимика, в корзине воздушного шара, летящего над ледяными океанскими волнами...

Филип Пулман

Ли́ра Бе́лаква

Once Upon a Time in The North © Philip Pullman, 2008

Lyra's Oxford © Philip Pullman, 2003

© А. Осипов, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Однажды на севере

Потрепанный непогодой грузовой воздушный шар вынырнул из бури где-то над Белым морем, стремительно теряя высоту и раскачиваясь под порывами северо-западного ветра. Пилот – худой и решительный молодой человек с тонкими усиками и в огромной шляпе – сражался с рулем и топливным вентилем. Он держал курс на базу Компании Баренцева моря. Пункт назначения был отмечен на измятом клочке бумаги, пришпиленном к приборной панели. К счастью, база уже показалась впереди, раскинулась по берегам небольшой бухты – горстка конторских зданий, ангар, склад, мастерские, резервуары для хранения газа и всякое оборудование. Все это стремительно приближалось, и пилот поспешно принимал все возможные меры, чтобы не врезаться в крышу ангара, а мирно сесть на пустыре за складскими корпусами.

Газовый вентиль заело. Вообще-то тут нужен был разводной ключ, но под рукой оказался только старый и грязный револьвер. Пилот выхватил его из кобуры на поясе и несколько раз с размаху ударил по вентилю. Тот открылся на максимум и выпустил гораздо больше газа, чем требовалось. Шар накренился и на бешеной скорости понесся вниз. Рабочие, сгрудившиеся вокруг сломанного трактора, бросились врассыпную. Корзина ударилась оземь, отскочила и поволоклась за сдувающимся шаром через весь пустырь, пока не остановилась каким-то чудом в нескольких футах от большой цистерны с бензином.

Пилот осторожно разжал пальцы и выпустил веревку, за которую очень крепко держался последние несколько минут, определил где вверх, а где низ, спихнул с коленей ящик с инструментами и вытер глаза, залитые водой и машинным маслом. И только тогда рискнул принять вертикальное положение.

– Ну, что ж, Эстер, – сказал он, – зато мы с тобой кое-чему научились.

Небольшая зайчиха (его деймон) с насмешливой мордочкой пошевелила ушами, торчавшими из кучи сломанных инструментов, теплой одежды и каких-то веревок на дне корзины, и начала, ворча, выбираться наружу. Все вокруг было насквозь мокрое.

– Ли, мои чувства слишком глубоки, чтобы я могла их выразить, – сказала она.

Ли нашел шляпу, вылил из нее воду и нахлобучил на голову. И заметил, что у них есть зрители: люди, вновь обступившие трактор, двое рабочих с газового завода (один до сих пор держался за голову – кажется, он все не мог поверить, что счастливо отделался) и клерк в рубашке, без пиджака стоявший с раскрытым ртом на пороге административного корпуса.

Пилот приветливо им помахал и начал приводить шар в порядок. Он очень им гордился: полгода назад он выиграл его в Техасе – в покер. Ли уже исполнилось двадцать четыре, он жаждал приключений и был готов лететь, куда бы ветер его ни занес.

– Вот и хорошо, – проворчала Эстер. – Когда тебя несет ветер, выбирать, куда попадешь, не приходится.

Швыряемый туда и сюда ветрами перемен, с помощью (весьма условной) половины потрепанной книжки под названием «Начала воздушной навигации» (проигравший отдал ее просто так – второй половины у него все равно не было), Ли добрался до самой Арктики. Останавливался везде, где можно было найти работу, и наконец попал на этот остров. Судя по всему, в Новом Оденсе можно было подзаработать, а карманы Ли совсем опустели.

Пару часов он потратил на то, чтобы привести аэростат в порядок, после чего, с беззаботным и самоуверенным видом, который и подобает повелителю воздушной стихии, неторопливо зашагал к конторе – заплатить за хранение аэростата.

– Вы к нам за нефтью? – спросил его клерк за стойкой.

– Он к нам, чтобы научиться летать, – пробурчал некий господин, сидевший с чашкой кофе у печки.

– Ах, да! – вспомнил клерк. – Мы видели, как вы приземлились. Очень впечатляющее было зрелище.

– За какой еще нефтью? – спросил Ли.

– А, – подмигнул клерк, – шутите, да? Ладно, я понял. Ни о какой нефтяной лихорадке вы даже не слышали. Я бы мог сказать, что вы вылитый буровик, но не скажу. Буду нем, как рыба. На «Ларсен марганец» работаете?

– Любезный, я аэронавт, – сказал Ли. – Вон там мой шар, видите? Дадите на него квитанцию или как?

– Вот, пожалуйста, – клерк поставил печать и протянул ему бумажку.

Ли сунул ее в жилетный карман и все-таки спросил:

– А что такое «Ларсен марганец»?

– Крупная горнодобывающая компания. Богатая. Вы богаты?

– А что, похоже?

– Вообще-то, нет.

– Ну, значит, вы правильно все поняли, – кивнул Ли. – Что-нибудь еще у вас тут нужно сделать, прежде чем я отправлюсь тратить деньги?

– Еще таможня, – сказал клерк. – Вон там, у главных ворот.

Помещение с вывеской «Пошлины и сборы» Ли нашел без труда и заполнил декларацию, следуя указаниям сурового молодого офицера.

– Вижу, у вас есть револьвер, – заметил тот.

– Это противозаконно?

– Нет. Вы работаете на «Ларсен марганец»?

– Слушайте, я тут всего пять минут, а меня уже дважды об этом спросили. Я и не слышал никогда про «Ларсен марганец», пока сюда не попал.

– Значит, вам повезло, – вздохнул офицер. – Будьте добры, откройте ранец.

Ли предоставил для инспекции и сам ранец, и его более чем скромное содержимое. Это заняло секунд пять.

– Спасибо, мистер Скорсби, – сказал таможенник. – Запомните: единственный уполномоченный представитель закона в Новом Оденсе – это «Управление пошлин и сборов». Полиции у нас нет, а это значит, что если кто-нибудь нарушает закон, разбираемся с этим мы. И позвольте вас заверить, разбираемся без промедления.

– Счастлив это слышать, – весело отозвался Ли. – Больше всего на свете люблю места, где чтят закон.

Он закинул ранец на плечо и направился в город. Стояла поздняя весна: снег был грязным, а дорога покрыта рытвинами. Почти все постройки в городе были из дерева, которое наверняка сюда ввозили – деревьев на острове росло немного. Несколько домов из темного камня придавали главной площади унылый и неприветливый вид: мрачная часовня святого Петрония, ратуша и банк. Несмотря на шквальный ветер, в городе ощущались запахи всего, что в нем производили. С предприятий по очистке рыбьего жира, тюленьего жира и каменного жира (нефти), с кожевенного завода и рыбозасолочного комбината тянуло вонью разнообразных оттенков – она ударяла в нос и выедала глаза, стоило ветру на узких улицах сменить направление.

Однако интереснее всего были медведи. Когда один из них выглянул из переулка, Ли не поверил своим глазам. Огромный медведь был покрыт желтоватым мехом и двигался бесшумно... Выражение его морды понять было невозможно, равно как и не заметить мощные лапы, чудовищные когти и хладнокровие в глазах. Дальше в городе Ли встретилось еще несколько медведей: они собирались группками на углах, спали в переулках, иногда работали – тащили за собой телегу или ворочали каменные блоки на стройке.

Горожане не обращали на них никакого внимания – разве что на тротуарах обходили. А еще, заметил Ли, люди избегали на них смотреть.

– Делают вид, что никаких медведей тут нет, – сказала Эстер.

Медведи людей тоже игнорировали, но раз или два Ли увидел в пронзительных черных глазках тень угрюмого гнева, услышал негромкий, тут же приглушенный рык – когда хорошо одетая леди с требовательным видом ждала, когда ей уступят дорогу. Но и медведи, и люди уступали дорогу мужчинам в коричневой униформе, шагавшим по самой середине тротуара. У них были револьверы и дубинки, и Ли решил, что это служащие Таможенного управления.

Одним словом, в городе чувствовались тревога и напряжение.

Ли был голоден, а потому выбрал недорогой с виду бар и сразу заказал себе соленой рыбы и водки. Заведение было набито битком, воздух провонял трубочным табаком, в углу начиналось что-то вроде драки... Ну, или просто люди тут были вспыльчивые и затевали склоку по любому поводу. Звучали громкие голоса, кто-то стучал кулаком по столу, а бармен пристально наблюдал за развитием событий – правда опустевший стакан Ли наполнил сам, без дополнительных просьб с его стороны.

Ли по собственному опыту знал, что самый быстрый способ нажить себе неприятностей – это проявлять слишком пристальный интерес к чужим делам. Поэтому он лишь мельком глянул в сторону, где разгоралась ссора, но все-таки ему было любопытно, и, приступая к соленой рыбе, он небрежно поинтересовался у бармена:

– Из-за чего там так отчаянно спорят?

– Вон тот рыжий ублюдок, ван Бреда, никак не может поднять парус и уплыть отсюда. Он голландец, у него корабль в гавани, а груз со склада ему не отдают. Он уже всем мозг выел своими жалобами. Если не заткнется, придется его вышвырнуть.

- О, - сказал Ли. - А почему его груз не выпускают?

- А шут его знает. Может, за хранение не заплатил. Да кому какое дело?

- Ну, ему-то, видать, дело есть, - пожал плечами Ли.

Он лениво развернулся к спорщикам, опираясь локтями о стойку за спиной. Рыжий ублюдок оказался мужчиной лет пятидесяти, коренастым, с очень красным лицом. Когда кто-то из тех, с кем он выпивал, попытался положить ему руку на плечо, он яростно стряхнул ее и опрокинул стакан. Увидев, что случилось, голландец схватился руками за голову, и это было гораздо больше похоже на жест отчаяния, чем на проявление гнева. Затем он попытался успокоить того, чье пиво разлил, но у него ничего не вышло, и тогда он грохнул кулаками по столу и заорал что-то, чего Ли сквозь трактирный шум не разобрал.

- Надо же, какие страсти! - сказал кто-то рядом. - Так он себя до сердечного приступа доведет, как думаете?

Обернувшись, Ли увидел мужчину - худого, с голодным взглядом, в выцветшем черном костюме, который явно был ему велик.

- Может, и доведет, - согласился Ли.

- Вы тут человек новый, сэр?

- Да, только что прилетел.

- Воздухоплаватель! Как интересно! Я смотрю, жизнь-то в Новом Оденсе налаживается. Что ни день, то событие!

- Я слышал, тут нефть нашли?

- Совершенно верно. Такой ажиотаж, город просто лихорадит. Да еще на этой неделе состоятся выборы мэра! Да тут сто лет столько всего сразу не случилось!

- Ого, выборы? И кто кандидаты?

– Нынешний мэр, который точно проиграет. И еще один, очень перспективный политик – Иван Дмитриевич Поляков. Вот он и победит. Он, можно сказать, на пороге большой карьеры – при нем наш городишко наконец появится на картах. Если его выберут мэром, для него это станет ступенькой к Новгородскому Сенату, а там – кто знает? Его антимедвежья кампания тут же шагнет на континент. А вас-то, сэр, что вдохновило посетить Новый Оденсе?

– Все очень просто – я ищу работу. Как вы заметили, я воздухоплаватель...

Ли заметил, что старик скользнул взглядом по его ремню. Когда он откинулся на стойку, пальто распахнулось, и стал виден револьвер в поясной кобуре – тот самый, которым час назад он молотил по вентилю.

– И, как я вижу, человек воинственного склада, – заметил его собеседник.

– О, нет. Любой из переделок, в которых мне довелось побывать, я всеми силами старался избежать. Так что это больше для красоты. Черт, да я даже не знаю толком, как стрелять из этого... как его – револьветора?

– Да вы еще и остряк!

– Вы мне лучше вот что скажите... – Ли решил сменить тему разговора. – Вы упомянули антимедвежью кампанию. Я в вашем городе совсем недавно, но медведей не мог не заметить. Интересные зверюги... Никогда таких не видел. Им что же, можно вот так разгуливать, где захочется?

Его худой собеседник взял со стойки пустой стакан и попытался осушить его еще раз, потом со вздохом поставил обратно.

– Позвольте я вас угощу, – сообразил Ли. – Это ведь не так-то просто – объяснять чужакам, как тут у вас дела обстоят. Что пьете?

К его изумлению бармен выставил бутылку дорогущего коньяку. Эстер с досадой цокнула.

– Очень любезно с вашей стороны, сударь, очень любезно! – затараторил старик. Бабочка-деймон несколько раз раскрыла и сложила яркие крылышки у него на

плече. – Позвольте представиться: меня зовут Оскар Сигурдссон, я поэт и журналист. А как ваше имя?

– Ли Скорсби, вольнонаемный аэронавт.

Они обменялись рукопожатием.

– Так вы говорили о медведях, – напомнил Ли, посмотрев на свой стакан, который уже почти опустел, а наполнять его снова он не собирался.

– Да, точно. Никчемные бродяги!.. Медведи, к сожалению, теперь уже не те. Раньше у них была великая цивилизация – варварская, конечно, но по-своему благородная. Настоящим варваром, неизнеженным и деятельным, можно даже восхищаться. В наших великих сагах еще сохранилась память о деяниях медвежьих королей. Я и сам, признаться, давно уже работаю над поэмой (старым размером, знаете ли) о падении Рагнара Локиссона, последнего великого владыки Свальбарда. С радостью ее вам почитаю...

– Просто мечтаю послушать! – отозвался Ли. – Я и сам люблю хороший рассказ. Но лучше, наверное, как-нибудь в другой раз? А пока расскажите мне о тех медведях, которые сейчас ходят по вашим улицам.

– Бродяги, как я уже сказал. Мусорщики да пьяницы... Во всяком случае, многие из них. Совсем выродились – воруют, пьют, врут...

– Врут?..

– Да еще как.

– Они что же, разговаривают?

– Ну да! А вы не знали? Раньше они были еще и отличными кузнецами, по металлу работали – но только не это поколение. Эти разве что самую грубую

сварку умеют. Ну, и другую простую работу. И доспехи у них теперь примитивные и некрасивые...

- Доспехи?

- В городе им, разумеется, броню носить запрещено. Они ее сами себе делают, по одному предмету, пока растут. А когда медведь становится взрослым, у него как раз собирается полный комплект. Но это, как я уже говорил, – грубые, примитивные поделки. Никакой изысканности, не то что встарь. Так что эти медведи превратились в обычных паразитов. Вымирающая раса! И лучше всего было бы взять их и...

Закончить мысль ему не удалось, так как именно в этот момент бармен решил, что голландец ему окончательно надоел, и вышел из-за стойки с тяжелой дубинкой наперевес.

Заметив, как изменились лица тех, кто его окружал, рыжий капитан встал и попытался обернуться, хотя нетвердо держался на ногах. Лицо у него побагровело, глаза остекленели. Он раскинул ручищи (с не вполне ясным намерением), но дубинка бармена уже взлетела над его головой и собиралась вот-вот опуститься, однако ей помешал Ли.

Протиснувшись между двумя зрителями, он схватил капитана за запястья и примирительно обратился к бармену:

- Ну-ну-ну, мистер бармен. Зачем же лупить человека, который так пьян? Есть способ и получше, как раз для таких случаев. Идемте, капитан! На улице отличный свежий воздух. А здешняя атмосфера плохо влияет на цвет лица.

- Какого черта вы лезете?! – взревел бармен.

- Как вам сказать... Ну, предположим, я – ангел-хранитель этого моряка. Не хотите ли опустить дубинку?

- Я тебе на башку ее сейчас опущу!

Ли отпустил капитана и повернулся к бармену.

- Давайте. Посмотрим, что получится, - предложил он.

Наступила тишина, никто не шевелился. Даже капитан лишь моргал, таращась мутным взглядом на препятствие, неожиданно возникшее у него на пути. Ли был готов драться, и бармен это понял. Помедлив, он опустил дубинку.

- Ты тоже проваливай, - угрюмо пробурчал он. - Оба выметайтесь!

- Именно это мы с капитаном и собирались сделать, - безмятежно отозвался Ли. - Не посторонитесь?

Он заботливо подхватил пьяницу под руку и повел через переполненный зал. Они уже были на пороге, когда хозяин крикнул им вслед:

- И не возвращайтесь!

Капитан закачался и привалился к стене, потом еще поморгал и, наконец, его взгляд сфокусировался.

- А ты еще кто такой? - спросил он и, не дожидаясь ответа, продолжил: - Нет, не хочу знать. Иди к черту! - и, шатаясь, побрел прочь.

Провожая его взглядом, Ли почесал голову.

- Мы тут меньше часа, - заметила Эстер, - а нас уже выставили из бара, и все по твоей милости.

- Да, еще один на редкость удачный день, - отозвался Ли. - Но нельзя же просто так лупить пьяного дубинкой по голове!

- Найди ночлег, Ли, и полежи спокойно. Ни с кем не говори, думай о хорошем. И постарайся больше ни во что не ввязываться.

- Отличная идея, - одобрил он.

Однако несколько вопросов задать все же пришлось. Ответы привели его в не слишком опрятный пансион возле порта. Он заплатил хозяйке за неделю (комната и стол), бросил ранец на кровать и отправился искать, где можно подзаработать.

С моря дул колючий ветер. Ли плотнее запахнул пальто и надвинул на уши шляпу. Переулочек вскоре вывел его к гавани. На море смотрели несколько лавок: с одеждой, мелочная с товарами для судового промысла, и другие в том же духе, да еще пара сомнительных пабов и большой каменный особняк – штаб-квартира Регионального управления пошлин и сборов, над которой реял синеватый флаг. По обе стороны набережной в море уходило по длинному пирсу, образуя гавань длиной футов в сто пятьдесят. Справа, на дальнем конце мыса торчал маяк.

Ли сосчитал лодки. Для городка, погруженного пучину нефтяной лихорадки, их было на удивление немного. Справа швартовался угольный танкер – явно еще неразгруженный, так как в воде он сидел низко. Кран – большая паровая машина – с этой стороны порта был один. Сейчас он устанавливал грот-мачту на барке. Народу вокруг суетилось гораздо больше, чем для этого было нужно, и каждый энергично излагал свои соображения о том, как это следует делать. Похоже, дело затянется до вечера. А уголь что? Уголь подождет.

На втором пирсе, слева, виднелись два антарных крана поменьше: один деловито грузил бочки рыбьего жира в трюм маленького парходика, совершавшего рейсы вдоль берега, другой разгружал бревна, высокими штабелями громоздившиеся на палубе второго парохода. За ними стояла шхуна, на которой не было видно никакого движения. Ли догадался: это, наверное, и есть судно злосчастного капитана ван Бреды, который никак не может забрать свой груз. На палубе никого не было, корабль выглядел брошенным.

Вдоль набережной тянулся ряд каменных складов, а у ближнего конца левого пирса столпились конторские здания, там же находился и офис начальника порта. У спускавшихся к воде ступеней был пришвартован катер, а чуть дальше – большой паровой буксир... Раз оба стоят пустые, значит, торговля тут и впрямь идет не бойко.

Ли позвонил в колокольчик у дверей начальника порта и, внимательно прочитав латунную табличку, вошел.

– Добрый день, мистер Огорд, – с порога заявил он. – Я пришел узнать, не найдется ли для меня тут какой работы. Фамилия моя Скорсби, а мой воздушный шар хранится на складе Компании Баренцева моря. Как думаете, здесь кому-нибудь требуются услуги воздухоплавателя?

Начальник порта был пожилым человеком с кислым и настороженным выражением лица. Кошка – его деймон – приоткрыла глаза и тут же снова закрыла – от брезгливости.

– Дела идут не очень хорошо, мистер Скорсби, – ответил пожилой джентльмен. – Четыре судна работают в гавани, а когда они уйдут, никакой другой торговли не будет еще примерно неделю. Времена нынче скверные.

– Четыре судна? – переспросил Ли. – Зрение меня, должно быть, обмануло. Я видел пять.

– Четыре.

– Тогда мне точно пора заняться глазами. В конце восточного пирса стояла отличная трехмачтовая галлюцинация.

– Никаких работ на восточном пирсе сейчас не ведется. Как и на западном. Хорошего дня, мистер Скорсби.

– И вам, сэр, и вам.

Они с Эстер ушли. Ли поскреб подбородок и внимательно посмотрел на безжизненную шхуну.

– Не нравится мне, когда корабль такой тихий, – заметил он. – Слишком похож на призрак. Должно же быть что-то, чем можно занять команду. Что ж, пойдём узнаем, сколько тут хотят за пеньковую веревку.

И он зашагал к бакалее, возле которой вонь рыбьего жира и дубленых шкур наконец сменилась запахом чистой смоленной веревки. Продавец за стойкой читал газету и на вошедшего Ли даже не посмотрел.

– Добрый день, – сказал Ли, но ответа не услышал.

Он послонялся по магазину, разглядывая товар. Разумеется, увидел кучу всего, в чем нуждался, и очень мало того, что мог себе позволить. Сначала он удивился, но потом вспомнил, что находится на острове, окруженном льдами шесть месяцев в году. Сюда все приходится ввозить, поэтому и цены такие высокие.

– Как там выборы? – спросил он у лавочника, кивая на газету. – Новым мэром станет мистер Поляков?

– Вы хотите что-то купить?

– Может и хочу, да вот того, что могу, пока не видел. Ну и цены у вас!

– Газетами я не торгую, – пожал плечами хозяин.

– Тогда счастливо оставаться, – сказал Ли и удалился.

Он повернул в город. Синее утреннее небо скрылось за серыми тучами, которые принес с севера кусачий ветер. Навстречу ему попало всего три человека: две женщины с корзинами для покупок, да старик с палкой. Компания медведей прервала свой рокошущий разговор и проводила его глазами, а потом вернулась к беседе – голоса их были такими низкими, что Ли почти что чувствовал их сквозь подошвы ботинок.

– Это самый мрачная, вонючая и недружелюбная дыра из всех, куда мы попадали, – подытожил он.

– Не стану спорить, – согласилась Эстер.

– Ну, что-нибудь нам да подвернется.

Однако в тот день им ничего не подвернулось.

Ужин в пансионе был накрыт в гостиной – очень унылом месте с маленьким столом, чугунной печкой, полкой с религиозными брошюрами и скудным собранием потрепанных и очень пыльных настольных игр с многообещающими названиями вроде «Проклятие Полюса», «Шлёп-об-пол» и «Звери-преступники». Трапеза состояла из бараньего жаркого и яблочного пирога. Пирог оказался неплохим. Другими постояльцами были фотограф из Осло, чиновник из Новгородского экономического института и молодая леди – мисс Виктория Ланд, которая работала в публичной библиотеке. Она была хорошенькой, как картинка (на которой изображена суровая особа с железными принципами и безупречной нравственностью). Мисс Ланд была высокой и, скорее, тощей, чем стройной. Ее светлые волосы были безжалостно стянуты в пучок, а белая блузка с длинными рукавами – застегнута до самого подбородка. Но это была первая молодая женщина, с которой Ли перемолвился словом за целый месяц.

– Вы, стало быть, библиотекарь, мисс Ланд? И какие же книги предпочитают жители Нового Оденсе?

– Разные.

– Я бы сам заглянул к вам завтра, мне нужна кое-какая информация. Есть такая книга, «Начала воздушной навигации» – так вот, я бы очень хотел ее наконец дочитать. Где находится ваша библиотека, мисс Ланд?

– Аланд-сквер.

- Точно. Аланд-сквер. Вы давно там работаете?

- Нет.

- Понятно. То есть вы... э-э-э... недавно овладели этой профессией?

- Да.

- А... Новый Оденсе – ваш родной город?

- Нет.

- Значит, мы с вами оба здесь чужаки?

На этот вопрос ответа не последовало – лишь ласточка-деймон взглянул на Эстер со спинки стула, раскрыл крылышки и снова сложил их.

Но Ли не унимался:

- Не желаете пирога, мисс Ланд?

- Благодарю вас.

- Знаете, сразу после ужина я собирался прогуляться по набережной – поглядеть, какие вечерние развлечения могут предложить предприимчивые жители этого города. Но вы... вы вряд ли захотите составить мне компанию, правда?

- Правда.

Ужин закончился, мисс Ланд тут же покинула столовую. Стоило ей выйти, как двое оставшихся джентльменов расхохотались и начали хлопать Ли по плечам.

- Восемь! – воскликнул довольный фотограф.

– Я насчитал семь, – возразил экономист, – но ты все равно выиграл!

– Семь чего? – не понял Ли.

– Слов, которые вам удалось из нее вытянуть, – объяснил первый. – Я бился об заклад, что будет больше десяти, а Михаил – что не будет.

– Осторожнее, Ли, – прошептала ему на ухо Эстер.

– Вы, джентльмены, кажется, любите пошутить? – сказал Ли, не обращая на нее внимания. – Что ж, все равно это было лучшее событие за сегодня. Что скажете насчет партии в карты – теперь, когда изысканное застолье осталось в области воспоминаний, а прекрасная сотрапезница покинула нашу компанию? Если вы, конечно, не предпочитаете «Шлёп-об-пол».

– Ничто не доставило бы мне большего удовольствия, – улыбнулся фотограф. – Да вот беда: я должен снимать директора местной школы и его семью. Не могу отменить сеанс.

– А я иду на собрание в ратуше, – заявил другой. – Выборы мэра, знаете ли, страсти накаляются. Надо посмотреть, куда всё это повернет.

– Какой увлекательный город, с ума сойти! – сказал Ли. – Да я от восторга едва на месте могу усидеть!

– Может быть, составите мне компанию? – предложил экономист.

– Ну, конечно! – с энтузиазмом отозвался Ли, и малиновка, деймон его собеседника, дернула хвостиком.

Собрание, посвященное выборам, безусловно, стоило того, чтобы его посетить. Мужчины и женщины брели по грязным улицам к ратуше, ярко освещенной газовыми фонарями. Ли обрадовался: раз на острове есть источник газа, значит,

можно будет без особых трудностей заправить шар... Если, конечно, денег хватит. Публика была хорошо одета (Ли тоже не ударил в грязь лицом – нацепил свой единственный галстук) и оживленно переговаривалась.

– В Новом Оденсе всегда так интересуются политикой? – спросил он у своего спутника.

– От этих выборов многое зависит, – пояснил экономист, которого звали Михаил Иванович Васильев. – Поэтому-то и я здесь. Моя академия очень интересуется этим Поляковым. Раньше он был сенатором. Правда, он терпеть не может, когда ему об этом напоминают. Ему пришлось подать в отставку из-за одного финансового скандала, и на этих выборах он хочет реабилитироваться.

– Неужели? – Ли разглядывал толпу на лестнице и заметил в ней несколько мундиров. – Вижу, там полно таможенников. Ожидаются беспорядки?

– Таможенников? Каких таможенников?

– Да вон тех громил в коричневой форме!

– А! Так это не таможня. Это департамент охраны «Ларсен марганец».

– В который раз уже слышу это название. Кто это такие?

– Очень крупная горно-разведывательная корпорация. Победа Полякова сулит им процветание. Поговаривают, что компания конфликтует с таможней. На севере это сейчас не редкость: частные фирмы вторгаются в общественную сферу. Говорят, что это ради безопасности граждан, а вот я называю это угрозой. Я слышал, у них есть секретное оружие, его еще никто не видел. Держат его в тайне. Но только и мечтают устроить какую-нибудь заварушку и пустить его в ход... Кстати, вон там вам кто-то машет.

Они поднялись почти на самый верх лестницы, ведущей к парадным дверям, но там произошла заминка – людей у входа собралось слишком много. Ли посмотрел в ту сторону, куда указывал Васильев, и увидел Оскара Сигурдссона, который махал им, кивал и звал к себе.

Ли небрежно помахал в ответ, но Сигурдссон продолжил подавать сигналы с удвоенным энтузиазмом.

– Придется выяснить, что ему надо, – вздохнул Ли и начал пробираться сквозь толпу.

Вокруг головы поэта порхала бабочка-деймон, а сам он так и сиял.

– Мистер Скорсби! Как я счастлив снова видеть вас! Мисс Полякова, вы позволите представить вам мистер Скорсби, прославленного аэронавта?

– Прославленного? С ума сойти! – проворчала Эстер, однако юная леди, стоявшая рядом с Сигурдссоном, сразу привлекла внимание Ли.

Ей было лет восемнадцать, и она оказалась полной противоположностью накрахмаленной мисс Ланд. На ее щеках цвели розы, глаза были большие и черные, губы – мягкие и алые, плюс целая копна темных кудрей. Ее деймон оказался мышкой. Ли с удовольствием взял протянутую руку.

– Рад познакомиться! – он снял шляпу.

Сигурдссон снова что-то щебетал.

– Прошу прощения, мистер Сигурдссон, – сказал Ли, – я не смог уследить за вашей мыслью, глядя на мисс Полякову. Держу пари, десятки молодых людей со всего Севера встают в очередь, чтобы полюбоваться вами, мисс.

Она скромно опустила глаза, а затем метнула на него взгляд сквозь ресницы.

Сигурдссон ущипнул Ли за руку.

– Мисс Полякова – дочь нашего достойнейшего кандидата в мэры.

– О, неужели? Скажите, мисс, мы услышим сегодня речь вашего отца?

– Да, полагаю, он что-то скажет.

– А кто его противники?

– Честно говоря, я не знаю. Кажется, их двое... Или один.

Ли пристально посмотрел на нее, пытаясь заглушить ворчание Эстер, сидевшей у него под пальто. Интересно, девушка действительно не очень умна, или просто прикидывается? Она снова улыбнулась – наверное, дразнит его. Что ж, ладно. Если леди угодно поиграть, Ли как раз в подходящем настроении.

Затор в дверях уже рассосался, и толпа снова двинулась вверх по лестнице, направляемая охраной «Ларсен марганец». Мисс Полякова споткнулась, Ли тут же предложил ей опереться на его руку, и она согласилась. Сигурдссон по-прежнему напирал с другого боку, продолжая о чем-то болтать. Ли почти ничего не слышал, да и не очень старался услышать. Чем теснее он прижимался к мисс Поляковой, тем сильнее чувствовал очарование нежного цветочного аромата ее духов... или, может, так пахли ее волосы... или же его опьяняла сама близость ее юного тела.

– Что вы сказали? – неохотно переспросил он поэта.

Тот настойчиво дергал его за рукав и знаками требовал наклониться, словно хотел поделиться секретом.

– Я говорил, что вы могли бы оказаться полезны отцу Ольги, – прошептал он, когда они входили в главный зал.

Деревянные стулья были расставлены рядами. Платформу в конце комнаты украшали флаги и транспаранты с лозунгом: «ПОЛЯКОВ ЗА ПРОГРЕСС И СПРАВЕДЛИВОСТЬ».

– Неужели? – негромко прокомментировал Ли слова Сигурдссона.

– Я вас представлю ему после митинга!

– Что ж... благодарю.

Отношение к отцам у Ли было простое: чем они от него дальше, тем лучше. Отцы обычно возражали против того, чтобы их дочери делали то, что было на уме у Ли. Но не успел он придумать отговорку, как уже оказался в первом ряду, где все места были зарезервированы...

- Нет-нет, что вы, я не могу сидеть тут, - запротестовал он. - Это для важных гостей...

- Но вы и есть важный гость! - подмигнул ему Сигурдссон.

- Оставайтесь, мистер Скорсби! - взмолилась мисс Полякова.

- Чертов дурак! - проворчала Эстер, но, как она и хотела, услышал ее только Ли.

Едва они сели, как на сцену поднялся некто грузный и официальный, и объявил, что двери закрываются, так как желание публики послушать кандидатов столь велико, что зал уже переполнен, и больше никого впустить нельзя. Ли огляделся: люди действительно стояли в три ряда вдоль стен и задней стены.

- Похоже, ваш отец популярен, - заметил он, обращаясь к мисс Поляковой. - Какова его основная идея? Чем он в первую очередь займется, когда вступит в должность?

- Медведями, - ответила она, слегка вздрогнув, и на ее лице мелькнул испуг.

- А, медведями, - кивнул Ли. - Значит, он не любит медведей?

- Я их боюсь.

- Ну, это вполне понятно. Они... гм... довольно большие. С вашими особенными полярными медведями мне дела иметь не приходилось, но, помню, гнался за мной как-то один гризли в Юконе...

- Какой ужас! Он вас догнал?

И снова Ли показалось, будто он в темноте шагнул мимо ступеньки. Она что, правда такая дурочка? Или хочет, чтобы он так думал?

– Ну да, – сказал он. – Оказалось, что старикан просто хотел одолжить сковородку, чтобы поджарить свежепойманного лосося. Мы отлично поужинали вместе, травили байки. Он пил мой виски, курил мои сигары. Мы пообещали писать друг другу, но я, кажется, потерял его адрес.

– Как жаль, – сказала она. – А, знаете...

Ли почесал голову, но придумать ответ ему не пришлось: на сцену поднялись трое мужчин, и тут же все в зале вскочило и разразилось аплодисментами и приветственными возгласами.

Ли тоже пришлось встать, иначе это было бы невежливо, и все бы на него тарасились. Он поискал взглядом своего соседа по пансиону, но вокруг было столько лиц, горящих энтузиазмом, что он его не увидел.

– Потрясающий прием! – горячо зашептал ему на ухо Сигурдссон, когда они снова сели. – Очень многообещающий! А вы что скажете?

– Никогда ничего подобного не видел, – отозвался Ли и, откинувшись на спинку, приготовился слушать.

Вскоре его разбудил рев толпы – во всяком случае, ему показалось, что не прошло и минуты. Эхо оваций и одобрительных возгласов металось по огромному деревянному залу. Ли заморгал и тоже принялся хлопать.

На платформе стоял Поляков – румяный, с окладистой бородой. Он был в черном пальто, один кулак он прижимал к сердцу, другим опирался на кафедру. Он смотрел на толпу сверкающими глазами, а его деймон (кажется, ястреб, но какой именно Ли сказать не мог) сидел на кафедре, широко раскрыв крылья.

– Сколько я проспал? – шепотом спросил Ли у сидящей под пальто Эстер.

– Я не считала.

– Черт. А что говорил этот деятель?

– Я не слушала.

Ли украдкой взглянул на Ольгу. Она безмятежно сидела рядом, устремив обожающий взгляд на отца, и не изменилась в лице, даже когда тот грохнул кулаком по кафедре: деймона подбросило вверх, он взлетел, сделал несколько кругов у него над головой, а потом сел на плечо. Эффектный ход, подумал Ли.

– Интересно, сколько они репетировали перед зеркалом? – скептически проворчала Эстер.

– Друзья мои! – вскричал Поляков. – Друзья и сограждане! Люди! Нет нужды предостерегать вас об опасностях этого вероломного нашествия. Да, нет нужды! Ибо каждая капля человеческой крови, текущая в ваших человеческих жилах, вопиет, что нет и не может быть дружбы между людьми и медведями. И вы знаете, что я имею в виду, как и то, почему мне приходится говорить так решительно. Дружбы между нами и медведями нет – ее и не должно быть! И под моим руководством – обещаю, положив руку на сердце – ее и не будет. Никакой дружбы с этими бесчеловечными, нетерпимыми...

Конец фразы, как водится, потонул в овациях, свисте и топоте, накрывших зал, словно океанской волной.

Поэт размахивал руками над головой и вопил:

– Да! Да!! Да!!!

По другую сторону от Ли дочка Полякова тоже хлопала – как маленькая девочка, прямыми, будто деревянными ладошками.

Выступление закончилось – Поляков и его люди спустились с платформы, и какие-то люди пошли вдоль рядов, собирая пожертвования.

– Не давай этому ублюдку ни цента, – посоветовала Эстер.

– Да у меня и нет, – проворчал в ответ Ли.

– Ну, разве не потрясающе?! – подскочил к нему восторженный Сигурдссон.

– Самый примечательный образец цветистой риторики, какой я только слышал, – заметил Ли. – Я почти ничего не понял, так как не знаком с местными делами, но с толпой он обращаться умеет, в этом ему не откажешь.

– Идемте же, я вас представлю. Мистер Поляков будет счастлив познакомиться...

– Ах, нет-нет, – поспешно возразил Ли. – Незачем отнимать его драгоценное время, я ведь даже не смогу за него проголосовать.

– Это совершенно не важно! Уверен, он будет очень рад, – отмел все возражения поэт и, понизив голос, крепко сжал локоть Скорсби: – У него найдется для вас работа.

На второй руке Ли повисла Ольга.

– Мистер Скорсби, идемте же, я познакомлю вас с папой! – Ее большие глаза смотрели так искренне, губы розовели, локоны обрамляли прелестное личико в форме сердечка. От всего этого голова Ли пошла кругом, и он едва не полез к ней с поцелуями.

Какая разница, что у девушки ума не больше, чем у виноградины? Ли жаждал заключить в объятия вовсе не ее мозг. Ее тело (как и его) обладало собственным разумом – и они многое могли бы сказать друг другу. В голове у него плыло, он полностью и безоговорочно капитулировал.

– Ведите меня к нему! – сказал он.

В небольшой обшитой деревом гостиной позади зала для выступлений Поляков глыбой возвышался над окружавшими его мужчинами со стаканами в руках и с зажженными сигарами в зубах. В комнате звучали смех и гул поздравлений.

Увидев дочь, Поляков покинул своих собеседников, решительно двинулся ей навстречу и порывисто обнял.

– Моя малышка, тебе понравилась папина речь?

– О, папа, это было так здорово! Все были просто вне себя!

Ли огляделся. На столе возле камина стояла модель какого-то необычного оружия: что-то вроде передвижной пушки на бронированном грузовике. Ли хотел подойти поближе и рассмотреть ее, но стоявший у стола человек перехватил его взгляд и поспешно накрыл модель сукном. Наверняка это та пушка, о которой говорил Васильев, догадался Ли. Если бы он не тарашился так открыто, наверняка удалось бы разглядеть ее. Ну тут его снова потянули за рукав и повернули к кандидату.

– Иван Дмитриевич, – ворковал Сигурдссон, обращаясь к Полякову, – вы позволите представить вам мистер Скорсби из Техаса?

– Ой, да, папа! – зашебетала Ольга. – Мистер Скорсби рассказывал мне, какие ужасные медведи водятся у них в стране...

Поляков нежно похлопал дочку по щеке, вынул сигару изо рта и стиснул руку Скорсби, едва не сломав ему пару костей. Ли был к этому готов и ответил тем же. Состязание закончилось вничью.

– Мистер Скорсби, – загудел Поляков, обнимая Ли за плечи и увлекая в сторону, – рад познакомиться, очень рад. Мой добрый друг Сигурдссон все мне о вас рассказал. Вы – человек, который смотрит в будущее, и я это говорю. Вы – человек действия, и я это вижу. Вы – человек сведущий и проницательный, и я это чувствую. И если не ошибаюсь, сейчас вы свободны и можете подумать над моим предложением. Это так?

– Совершенно верно, сэр, – ответил Ли. – А что за предложение, позвольте узнать?

– Человек моего рода занятий, – Поляков понизил голос, – время от времени оказывается в серьезной опасности. Этот город похож на пороховую бочку, мистер Скорсби. Переменчивая, непредсказуемая среда, и любой, кто пробуждает сильные страсти – как привлекает людей, так, увы, и отталкивает. Здесь есть и те, кто боится и осуждает мою принципиальную позицию по медвежьему вопросу. О, да. Но оставим это, – он многозначительно постучал себя по носу: умный поймет. – Уверен, вы понимаете, куда я клоню. Я тверд, но найдутся и те, кто не отказался бы проверить мою твердость и даже, если придется, применить силу. Но я не боюсь ответить на силу силой. Вы носите при себе оружие, мистер Скорсби. Готовы пустить его в ход?

– То есть вы хотите ответить на их силу моей? – уточнил Ли. – Рад слышать, мистер Поляков, что вас это не пугает. Так о какой именно работе идет речь?

– В гавани сложилась ситуация, с которой необходимо разобраться. Думаю, вы – именно тот, кто нам нужен. Вы наверняка понимаете, что есть вещи, которыми занимаются, так сказать, представители власти, но есть и другие... требующие менее официального вмешательства. Один человек пытается бежать, прихватив некое спорное имущество. Нужно, чтобы кто-нибудь был начеку и предотвратил это.

– Кому принадлежит имущество?

– Я уже сказал: оно спорное. Этот вопрос не должен вас занимать. Вы лишь должны содействовать тому, чтобы имущество и дальше оставалось на складе, пока юристы не закончат работу.

– Ясно. И какова будет плата?

– Хм, а вы вокруг да около не ходите, друг мой! Позвольте предложить вам...

Но не успел Ли услышать, что ему хотят предложить, как Эстер вдруг ударила его в грудь и прошептала:

- Ли...

Он сразу ее понял, потому что и сам смотрел туда же, куда и она: за спиной Полякова высокий худощавый мужчина стоял, прислонившись к камину, скрестив на груди руки и упираясь согнутой ногой в стену. Он дымил трубкой из кукурузного початка, а вокруг его шеи обвился, завязавшись в небрежный узел, гремучая змея – его деймон. Лицо мужчины было бесстрастно, а взгляд черных глаз направлен прямо на Ли.

- Вижу, один стрелок у вас уже есть, – заметил Ли.

Поляков обернулся.

- Вы знакомы с мистером Мортонем?

- Я слышал о нем.

- Тогда позвольте, я вас представлю. Мистер Мортон! Подойдите к нам, будьте добры.

Качнувшись, долговязая фигура отделилась от стены, и Мортон вразвалку зашагал к ним, не вынимая трубки изо рта. Одет он был элегантно: черный сюртук, узкие брюки, высокие сапоги. Под сюртуком на бедрах угадывались очертания револьверов.

- Мистер Мортон, это наш новый сотрудник, мистер Ли Скорсби. Мистер Скорсби, это Пьер Мортон.

- Боюсь, вы слишком торопите события, мистер Поляков, – возразил Ли, игнорируя Мортон. – Я передумал. Вы не сможете заплатить столько, чтобы я согласился работать с этим человеком.

- Как вас там зовут? – переспросил Мортон. – Я не расслышал.

Голос у него был низкий и спокойный. Деймон-змея поднял голову, похожую на драгоценный камень, и уставился на Эстер. Ли погладил зайчиху по голове и в упор посмотрел на Мортонна.

– Меня зовут Скорсби. И всегда так звали. А вот у вас, когда мы в последний раз встречались, имя было другое. Вы тогда говорили, что ваша фамилия Макконвилл.

– Никогда вас раньше не видел.

– Значит, у меня зрение лучше вашего. И вам не стоит об этом забывать.

Все голоса в комнате стихли, все лица обратились к ним. Казалось, воздух между двумя мужчинами потрескивает от напряжения, и даже Поляков выглядел растерянным, переводил взгляд с одного на другого, как будто он торопился вернуть себе контроль над ситуацией, который у него вдруг отобрали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tn.knigapoisk.com/filip-pulman/lira-belakva>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)